

сокровищ и семь боевых доспехов (?) ¹⁵⁹. В течение почти трех лет разоренная Персия была подчинена его власти. Затем персы опять избрали своего императора.

Император Ираклий был хорош собою, красив лицом, был довольно высок и необычайно крепок, сражался как истовый воин и часто в одиночку убивал множество львов — будь то на арене или в пустыне. Будучи весьма просвещенным человеком, занимался астрологией, благодаря чему ему стало известно о том, что по Божьему соизволению империя будет разорена обрезанным народом. Поэтому направил посольство к Дагоберту, королю франков, с просьбой приказать всем иудеям своего королевства креститься и принять католическую веру. Что могущественный Дагоберт и исполнил. Ираклий приказал во всех провинциях империи поступить точно так же. Но неведомо было ему, откуда именно великое бедствие обрушится на империю.

Агаряне, или сарацины, как утверждает в книге Орозия, обрезанный народ, уже с давних пор обитавший на той стороне Кавказских гор над Каспийским морем, что называется Эрколия, невиданно приумножились, а посему, взявшись за оружие, вторглись в империю и принялись разорять владения императора Ираклия. Он же послал против них солдат. Вступив в сражение, сарацины одержали над воинами Ираклия верх и порубили их мечами. Говорят, что в той битве сарацинами было истреблено сто пятьдесят тысяч человек, а захваченное на поле боя сарацины через посланца предложили Ираклию забрать назад. Ираклий, желая отомстить сарацинам, ничего из этой добычи брать не хотел. Собрав по всем провинциям империи невиданное войско, Ираклий направил посольство к Каспийским воротам, которые великий Александр Македонский решил возвести и запереть, поскольку приумножились наисвирепейшие народы, обитавшие за Кавказскими хребтами. И эти самые ворота Ираклий приказал открыть, и оттуда он привлек себе на подмогу сто пятьдесят тысяч воинов и послал сражаться против сарацин. У сарацин же было два полководца и почти двести тысяч воинов. И вот свой лагерь [Ираклий] расположил неподалеку от противника, задумав начать сражение на рассвете, но той же ночью войско Ираклия было поражено Божьим мечом, и из солдат, [находившихся] в лагере Ираклия, пятьдесят две тысячи расстались с жизнью во сне. Когда же на рассвете пришло время выйти на битву, солдаты, узрев, что часть войска уничтожена Божьим провидением, уже не решались начать битву. После отступления Ираклия в родные края сарацины стали продвигаться вперед, разоряя владения императора Ираклия. Когда они уже подошли к Иерусалиму, Ираклий, понимая, что не может противостоять их натиску, и впав в отчаяние от несчастий, примкнул к Евстахиевой ереси, оставил веру Христову, женился на дочери своей сестры и, заболев лихорадкой, окончил свою жизнь в жестоких мучениях. А императорское достоинство унаследовал его сын Константин, во времена которого государство было разорено сарацинами.

«Хроника Фредегара». IV, 62 — 66

Когда почил император Константин, Констант, его сын, будучи еще в юных летах, с согласия сената был возведен на престол. В эти времена империя беспощадно разорялась сарацинами. Иерусалим был ими захвачен, равно как и другие города на побережье ¹⁶⁰. Египет, Верхний и Нижний, был наводнен неверными, Александрия взята и повержена. Вся Африка за короткое время была разорена и захвачена, и там сарацинами был убит патриций Григорий. Только Константинополь вместе с провинцией Фракия, а также немногими островами и провинцией Романья оставался под властью Константа. Поистине империя была самым суровым образом разорена и ослаблена сарацинами, так что после этого император Констант, стесненный, принужден был стать сарацинским данником, дабы сохранить под своей властью Константинополь и острова. В течение почти трех лет и, как говорят, еще более император Констант каждый день посылал тысячу золотых солидов в сарацинскую казну. Однако, собрав людей, Констант постепенно возвратил себе империю и отказался выплачивать сарацинские подати.

«Хроника Фредегара». IV, 81

Император Констант и лангобарды

¹⁵⁹ Aeltiarnitis — nobiles arnitos (Krush). Дж. Валлас-Хадрилл предполагает, что речь идет о боевых доспехах для людей, лошадей или колесниц (The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar with its continuations / Transl. from the Latin with Introd. and Notes by J.M. Wallace-Hadrill. Edinburgh, 1960. С. 53).

¹⁶⁰ Имеется в виду противоположный по отношению к Константинополю берег Средиземного моря.